

УДК 947.1 (575.2) (04)

**ЗНАЧЕНИЕ МЕЖДОУСОБНЫХ СТОЛКНОВЕНИЙ
КЫРГЫЗСКИХ И КАЗАХСКИХ ПЛЕМЕН
В ПРОЦЕССЕ ИХ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ В XIX ВЕКЕ**

В.П. Яншин – докторант

The author examines a number of issues related to ways and methods of used Russian authorities in relation to the Kyrgyz and Kazakh tribes during their accession to Russia in the XIX century.

Причины и ход процесса присоединения кыргызских и казахских племен в рамках взаимоотношений России с Центральноазиатским регионом рассматривались в историографии, как правило, с двух сторон – торговой-экономической и внешнеполитической. Способы и методы, применяемые российскими властями в отношении кочевых племен, оставались без внимания. Представляется, что при таком подходе были достаточно подробно освещены интересы России в Центральной Азии и стремления некоторых родоправителей кыргызских и казахских племен, но каким образом так быстро, за 20 лет (40–60 гг. XIX в.), удалось присоединить обширные территории Северного и Центрального Кыргызстана, а также южноказахские земли и что этому способствовало, на наш взгляд, в исторической науке говорилось мало.

Действительно, процесс присоединения казахских племен, начавшийся с 1731 г. до 40-х гг. XIX в., протекал с учетом различных обстоятельств чрезвычайно медленно. Этому, безусловно, способствовало то, что модернизированная по европейскому образцу Россия, малознакомая с особенностями социально-экономического и культурного уклада кочевников, старалась выработать эффективную политику по отношению к ним. Огромное количество исторических фактов наглядно показывает, насколько это был трудный процесс –

найти точки соприкосновения между европеизированными подходами и местной реальностью. Следовательно, только накопив достаточный опыт в отношениях с кочевниками, можно было рассчитывать на положительный результат, что и проявилось в 40–60-х гг. XIX в. При этом надо отметить, что основной ошибкой российских властей в отношении кочевников было то, что к ханам, султанам, манапам они относились как к европейским монархам, обладающим реальной властью над своими подданными, а кочевые объединения, исходя из западноевропейских стандартов, рассматривали в качестве государств.

Для того чтобы понять специфику способов и методов российских властей, применяемых по отношению к кыргызам и казахам, необходимо раскрыть особенности кочевого общества. Известно, что кочевые народы сравнительно очень быстро развиваются в социальном плане в условиях общинно-родового строя, достигая стадии так называемой “военной демократии”, на которой их социально-экономическое развитие консервируется, так как при господстве кочевого скотоводства отсутствуют необходимые предпосылки для перехода к образованию государства. Сама система кочевого скотоводства не создает условий к объединению племени и родов в крепкое монолитное образование, так как отсутствует экономическая заинтересованность. Можно

сказать, что кочевое общество является законченным натуральным хозяйством, в котором нет никаких причин для разделения труда, и следовательно, – для появления специализации в виде ремесла и торговли, что в свою очередь, ведет к усложнению социальной организации и появлению государства. Кочевое скотоводство относится к экстенсивным формам хозяйствования, которое может развиваться только вширь, завися от природного ландшафта, но так как природная территория для кочевания ограничена, то соответственно, ограничено и количество людей, которые могут проживать в степном или полупустынном ландшафте. Отсюда вытекала демографическая проблема, которая решалась двояким путем: 1) завоевание оседло-земледельческих территорий; 2) постоянные и регулярные столкновения не только между разными кочевыми народами, но и внутри каждого этноса.

Таким образом, социально-экономическая модель кочевничества не давала ни экономических, ни политических предпосылок для одновременного объединения племен и родов. Единственной причиной появления кочевых объединений являлась или внешняя угроза, или стремление завоевать оседло-земледельческие районы. Во втором случае происходило инкорпорирование кочевой элиты в местную, но единой экономической системы не складывалось, через некоторое время завоеватели-кочевники теряли свои господствующие позиции и развитие завоеванного государства продолжало идти по своему пути.

Другой характерной чертой кочевых объединений было то, что, завоевав обширную территорию и решив на время экономические и демографические проблемы, они быстро распались, так как отсутствовала необходимость сохранения единства. Поэтому представляется серьезной ошибкой рассматривать в исторической ретроспективе кочевые объединения, такие, как тюркские каганаты, империя Чингисхана и т.п. в качестве государств, так как иначе каждый род и племя будут являться подобными “государствами”.

Возвращаясь к отношениям России с кыргызами и казахами, надо признать, что должно было пройти немало времени, чтобы реальное положение дел в кочевом обществе стало ясным и удалось выработать эффективные мето-

ды для реализации политической программы в отношении кочевников. Любопытно отметить, что кокандцы в ходе подчинения кыргызских и казахских племен намного быстрее выработали эффективные способы для достижения этой цели, что объясняется более схожими социально-экономическими моделями, нежели те, что существовали между Россией и кочевым миром. Не случайно первое крупное столкновение между кыргызскими племенами относится к началу XIX в., когда началась экспансия кокандцев в Северный и Центральный Кыргызстан. Применяя древний принцип “разделяй и властвуй”, который особенно подходил при отношениях с кочевниками в силу их социально-экономической и политической замкнутости, кокандцы достигли быстрых и значительных успехов, ограниченно применяя военную силу. При этом они, как правило, опирались на саяков и солто, сталкивая их с сарыбагышами и бугу. Так, поддерживая солто в столкновениях с сарыбагышами, кокандцы укрепились в Чуйской долине и построили крепость Пишпек в 1825 г. [1: 92].

В начале 30-х гг. XIX в., используя междоусобицы саяков с бугу и сарыбагышами, кокандцы построили крепость Куртка на Центральном Тянь-Шане и утвердились в Прииссыккулье [2: 79, 81]. Затем с применением подобной тактики, но уже используя противоречия между кыргызами и казахами, в конце 30-х гг. XIX в. они подчинили Южный Казахстан. Следовательно, можно сделать вывод, что кокандцы, используя социально-экономическую разобщенность кочевников и вытекающую отсюда политическую раздробленность, добились в кратчайшие сроки подчинения кыргызов и казахов.

Подобно кокандцам, российские власти также постепенно осознали, что при решении военно-политических задач можно и даже необходимо использовать специфику кочевого общества, в частности перманентное стремление кочевников к столкновению между собой. Так, в 1734 г. обер-секретарю Сената Кириллову было поручено наблюдать за башкирами и казахами и “если те или другие будут волноваться, то употреблять один народ против другого, сберегая русские войска” [3: 47]. В 1755 г. губернатор Неплюев использовал против восставших башкир казахов, в результате чего

были ослаблены и те и другие, что привело к временному ослаблению набегов на российские поселения [3: 68].

Со временем политика усложнялась: российские власти, противопоставляя разные племена и народы, старались при столкновениях кочевников не вмешиваться в них, а занимать выжидающую позицию, чтобы впоследствии получить статус арбитра. Так, в рапорте командующего Сырдарьинской линией командиру отдельного Оренбургского корпуса говорится, что “не надо вмешиваться в междоусобные столкновения казахских племен, так как они будут способствовать ослаблению их набегов на российскую территорию” [4: 9].

Политика арбитража стала давать неплохие результаты в быстром продвижении России к зимовкам казахов. Поддерживая одно племя против другого, российские власти добились, что казахи, не имеющие за собой российских войск, довольно быстро понимали невыгодность своего положения и принимали реальное подданство России. В 1851 г., когда готовилась экспедиция генерала Карбышева к укреплению Тойчубек, генерал-майор Яковлев отмечал, что “...не столько преданность, всегда сомнительная в киргизах (казахах. – В.Я.), сколько родовая вражда их может служить порукою, что наймановские киргизы (казахи. – В.Я.) будут полезны экспедиционному отряду” [5: 11].

Помимо столкновений с казахами и межплеменной розни среди кыргызов, кокандцы также стремились внести раскол в племена, используя родовые противоречия. Следовательно, кокандская политика в отношении кочевников носила многоуровневый характер (межэтническая, межплеменная, межродовая). В свою очередь, она, безусловно, способствовала укреплению позиций России среди кочевников, которая поддерживала ту часть племен и родов, которая оказывалась в немилости у кокандцев. В 1851 г. из письма Джантая российским властям следовало, что только часть солто с Джангарачем подчинилась кокандцам, а другая же во главе с Саки ориентировалась на Россию” [6: 148].

Политика российских властей в начале 50-х гг. XIX в. в Семиречье характеризовалась двумя моментами. С одной стороны, прила-

гались значительные усилия прекратить взаимные нападения кыргызов и казахов, что позволило выступить России в роли могущественного и справедливого покровителя всех кочевников, а с другой – для того, чтобы добиться их реального присоединения, российские власти продолжали использовать столкновения. Так, в 1854 г. пристав Перемышльский писал, что разрешил казахам отомстить кыргызам, так как это заставит кыргызов смириться и искать российского покровительства [2: 181].

Если кокандцы опирались на солто и саяков, противопоставляя их сарыбагышам и бугу, а впоследствии делали все, чтобы расколоть на группировки наиболее сильных из них – сарыбагышей, то в такой ситуации действия российских властей были естественными и однозначными – поддерживать противников кокандцев.

Как известно, первыми из кыргызских племен приняли российское подданство бугу. Находясь на границе сфер влияния Коканда и Китая, не получая от своего номинального сюзерена – Цинской империи – практически никакой помощи и постоянно подвергаясь нападениям саяков и сарыбагышей, за которыми стоял Коканд, бугу неизбежно, по мере продвижения России к Семиречью, должны были начать искать поддержку у российских властей. Любопытно отметить, что в конце 40-х – начале 50-х гг. XIX в., когда ситуация в Коканде из-за борьбы за ханский престол благоприятствовала ослаблению влияния кокандцев на северных кыргызов, сарыбагыши, как наиболее сильное племя, для достижения относительной независимости выступили против Коканда, ориентируясь на Россию. Этому способствовало и провозглашение Ормона ханом, и разгром Кенесары Касымова в 1847 г.

Исходя из такой обстановки, российские власти на время переключили свое внимание от бугу к сарыбагышам. Однако когда ситуация в Коканде нормализовалась и кокандцам удалось раздробить и подчинить сарыбагышей, российские власти снова стали рассматривать в качестве главной опоры бугу.

Применяя по отношению к кыргызам ту же тактику, что и к казахам, российские власти защищали бугу от других кыргызских племен. Так, в 1856 г. Хоментовский, чтобы обезопа-

ситуацию бугу от набегов сарыбагышей Джантая поощрял нападения казахов на сарыбагышей [7: 64]. В 1855–1858 гг. российские власти стремились не допускать столкновений между бугу и сарыбагышами, хотя бугу, приняв подданство России, рассчитывали разгромить сарыбагышей при поддержке русских войск [6: 203–204]. Несмотря на то, что бугу являлись подданными России, российские власти старались не вмешиваться в конфликт, по всей видимости, полагая, что в постоянных столкновениях и те и другие ослабнут и тогда наступит момент для России выступить в качестве арбитра между ними. Сами бугу рассматривали свое российское подданство только в контексте защиты русскими войсками их от других племен, отказываясь от постоянного нахождения русского отряда в их кочевьях. Они надеялись, что русские проведут карательную экспедицию против сарыбагышей, но вмешиваться во внутренние дела бугу не будут.

Такие наивные ожидания, конечно, ни в коей мере не соответствовали интересам российских властей, стремившихся прочно обосноваться в Прииссыккулье. Однако так как бугу официально считались подданными России, в спорах между бугу и сарыбагышами российские власти принимали сторону первых. Так, 1 декабря 1856 г. Хоментовский предупреждал Уметалы, что еще один неприязненный поступок против бугу с его стороны и тогда русские войска заставят сарыбагышей дорого заплатить за это [6: 189]. По предложению начальника Алатавского округа Перемышльского арбитром при разрешении споров между бугу и сарыбагышами был назначен султан Тезек, которому рекомендовалось “решая дела между бугу и сарыбагышами по справедливости, иметь в виду более пользу бугинцев” [6: 216].

Ситуация на севере Кыргызстана стала меняться в 1858 г., когда в Коканде к власти пришел энергичный правитель Малля-хан, который стал готовиться к крупномасштабным операциям против России. Для этого было необходимо создать базу в Чуйской долине и соответственно поставить под жесткий контроль сарыбагышей и солто, что и было сделано в короткий срок. Уже в 1858 г. сарыбагыши и солто разоряли айлы российских казахов при поддержке кокандского отряда [1: 215]. В но-

ябре 1859 г. сарыбагыши напали на албанов (племя Старшего жуза) и угнали у них много скота [1: 179].

Подводя итоги взаимоотношениям России с кыргызами, Венюков в 1859 г. отмечал, что при сложившихся обстоятельствах, когда подавляющее большинство кыргызов приняло сторону кокандцев, рассчитывать на кыргызские племена не представляется возможным, “ибо мы им препятствуем наживаться за счет киргизов (казахов. – В.Я.)” [8: 13]. В марте 1860 г. генерал-губернатор Гасфорд отмечал, что сарыбагыши, которые угнали значительное количество скота у казахов Старшего жуза, ушли к кокандцам, чтобы те их защитили от наказания со стороны русских войск [9: 230]. Таким образом, кокандцы, прекрасно зная особенности кочевого менталитета и искусно сыграв на стремлении кыргызских родоправителей поживиться за счет казахов, подданных России, добились того, что даже бугу заняли настороженную позицию по отношению к России, не говоря уже о сарыбагышах и солто, которые фактически полностью участвовали в нападениях кокандцев весной – осенью 1860 г. на русские укрепления в Семиречье. Поэтому во время экспедиции полковника Циммермана в сентябре 1860 г. в Чуйскую долину казахам Тезека, сопровождавшим русские войска, был отдан приказ нападать на кыргызов и забирать у них скот [7: 150].

Осенью 1860 г. Гасфорд писал, что следует поддерживать междоусобицы между дулатами (племя Старшего жуза) и бугу, что приведет в конечном итоге к усилению влияния России [7: 166]. После разгрома кокандцев при Узун-Агаче российские власти стали, с одной стороны, проводить по отношению к сарыбагышам политику, направленную на раскол прококандского лагеря, а с другой – подкрепляли свой авторитет военными экспедициями. Так, в декабре 1860 г. начальник Алатавского округа призывал сарыбагышских манапов Худояра и Менде уйти от Джантая и перейти в подданство России [10: 6], а в январе 1861 г. отряд есаула Бутакова разгромил 5 айлов сарыбагышей, которые участвовали в походе к Узун-Агачу [1: 215]. Весь 1861 г., пока решался вопрос о стратегических планах в отношении Чуйской долины, происходили столкнове-

ния казахов с кыргызами, за спиной которых стояли соответственно Россия и Коканд [7: 179]. Выжидательная позиция, занятая российскими верхами, привела к тому, что официальные подданные России – бугу – стали признавать над собой власть Коканда и совершили ряд набегов на албанов и субанов (казахские племена Старшего жуза, российские подданные) в феврале 1862 г.

Таким образом, российские власти, используя междоусобицы казахов с кыргызами, добились того, что казахи Старшего жуза, твердо поддерживаемые Россией, окончательно отошли от Коканда. Тем самым была создана крепкая тыловая база для последующего наступления в Чуйскую и Таласскую долины. Это ставило сарыбагышей и солто между Кокандом и Россией в предстоящих военных операциях, а с учетом несомненного военного превосходства русских войск неизбежно вело их к принятию подданства России без каких-либо остатков автономности.

Первым, кто сделал правильные выводы из сложившейся обстановки, был Джантай, чьи кочевья непосредственно примыкали к российским границам, поэтому в 1862 г. он принимает российское подданство [11: 52]. Другая часть сарыбагышей во главе с Уметалы, пользуясь тем, что основные усилия российских властей были направлены в сторону Ташкента, а также тем, что их кочевья были в Нарынском крае, до 1867 г. оставалась фактически независимой, пока, зажата с трех сторон (Коканд, Кашгар, Россия), не вынуждена была принять подданство наиболее сильного государства.

Солто же под предводительством Джангарача и Байтика пытались, придерживаясь уже ставшей анахронизмом политики, ориентироваться на Коканд, предполагая, что русские войска в глубь Тянь-Шаня не двинутся. Однако российское правительство к этому времени вполне определилось – Тянь-Шань, а тем более Чуйская и Таласская долины, должны быть в составе России, поэтому в 1864 г. и солто пришлось принять российское подданство. При этом, естественно, были строго пресечены нападения на казахов бугу и сарыбагышей Джантая, после чего (не без молчаливого разрешения российских властей) солто и сарыба-

гыши стали активно совершать набеги на саяков, которые еще находились под управлением Коканда.

Уже не раз проверенная тактика дала блестящие результаты – один из главных манатов саяков Рыскулбек в Кетмень-Тюбе принял российское подданство, чтобы избежать полного разорения от набегов сарыбагышей и солто [6: 294], так как Коканд в это время, бросив все силы против русских войск и к тому же явно проигрывая войну, саякам ничем помочь не мог.

Итак, можно сделать следующие выводы:

1. Накопив многолетний опыт в отношениях с кочевниками, российские власти, исходя из особенностей их социальной организации, пришли к заключению, что для обеспечения безопасности своих границ и укрепления власти России в степях одним из самых эффективных способов является использование политической и социально-экономической разобщенности кочевых племен.

2. На практике это означало, что зачастую предпочтительнее не стремиться к прекращению взаимных набегов между различными народами, племенами и родами, а занимать выжидательную позицию, дожидаясь, когда произойдет ослабление противоборствующих сторон и можно будет принять на себя роль арбитра, при этом поддерживая, как правило, более слабую сторону.

3. Продвигаясь на юг и столкнувшись с кокандцами, которые придерживались схожей политики в отношении кочевников, местные российские власти добились победы в этом соперничестве благодаря последовательным и продуманным шагам по отношению к кыргызам и казахам, опираясь при этом на свой более высокий военно-политический потенциал.

Литература

1. *Джамгерчинов Б.* Присоединение Киргизии к России. – М., 1959.
2. *Джамгерчинов Б.* Очерк политической истории Киргизии в XIX веке (первая половина). – Фрунзе, 1966.
3. *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. – Т. 1. – СПб., 1906.

4. Рапорт командиру отдельного Оренбургского корпуса от командующего Сырдарьинской линией // РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 76.
5. *Серебренников А.Г.* Туркестанский край: Сборник материалов для истории его завоевания 1851, 1852, 1840 гг. – Ташкент, 1915.
6. Кыргызстан – Россия. История взаимоотношений (XVIII–XIX вв.): Сб. документов и материалов. – Бишкек, 1998.
7. *Джамгерчинов Б.* Очерки политической истории Киргизии в XIX веке. – Фрунзе, 1966.
8. Описание Коканской военной линии на р. Чу. – 15 июня 1860 г. // ЦГА КР. Ф.и. 75. Оп. 1. Д. 51.
9. Письмо генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорда к Оренбургскому генерал-губернатору Катенину. 2 марта 1860 г., г. Омск // РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 76.
10. Письмо начальника Алатавского округа киргизским манапам. 1 декабря 1860 г. // ЦГА КР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 402. Св. 21.
11. *Бартольд В.В.* Киргизы (исторический очерк). – Фрунзе, 1927.